

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ НАРРАТИВОВ ОБЩЕСТВЕННОГО СОГЛАСИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Н. Н. Левчук¹⁾, О. О. Лемешевский²⁾

¹⁾ Доктор политических наук, доцент, Главный научный сотрудник
НИИ Вооруженных Сил Республики Беларусь 1234_73@list.ru

²⁾ Магистр военных наук, старший преподаватель кафедры юридических дисциплин
факультета внутренних войск Военной академии Республики Беларусь
oleglem22@yandex.by

В статье общественное согласие рассмотрено в качестве смыслообразующей основы онтологической безопасности Беларуси. Подчеркивается, что физическая безопасность, хоть и важна, но не является единственным приоритетом государства, стремящегося к сохранению своей идентичности в свете общенациональных ценностей. В контексте онтологической безопасности предложено применение нарративов общественного согласия, являющегося, согласно Концепции национальной безопасности Беларуси, неотъемлемой составляющей национальных интересов страны.

Ключевые слова: онтологическая безопасность; нарративы общественного согласия; национальные интересы; политический конфликт; столкновение идентичностей.

ONTOLOGICAL NATURE OF POLITICAL CONFLICT: TOWARDS DETERMINING NARRATIVES OF PUBLIC CONSENT IN THE REPUBLIC OF BELARUS

N. N. Levchuk¹⁾, O. O. Lemeshevsky²⁾

¹⁾ Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Chief Researcher
Research Institute of the Armed Forces of the Republic of Belarus 1234_73@list.ru

²⁾ Master of Military Sciences, Senior Lecturer, Department of Legal Disciplines, Faculty of
Internal Troops, Military Academy of the Republic of Belarus oleglem22@yandex.by

The article considers public consent as a meaning-forming basis for the ontological security of Belarus. It is emphasized that physical security, although important, is not the only priority of the state, which seeks to preserve its identity in the light of national values. In the context of ontological security, it is proposed to use narratives of public consent, which, according to the Concept of National Security of Belarus, is an integral part of the country's national interests.

Keywords: ontological security; narratives of public consent; national interests; political conflict; clash of identities.

Основное допущение гипотезы *онтологической безопасности* ставит под сомнение идею главенства непосредственно физической безопасности и дает ее расширенное толкование, исходя из того, что угрозы национальной безопасности носят комплексный и взаимосвязанный характер. Отдельные источники способны порождать спектр угроз, проявляющихся в различных сферах жизнедеятельности. Некоторые угрозы могут одновременно воздействовать на состояние национальной безопасности по нескольким направлениям [0], указывая на ее онтологические основания.

У зарубежных исследователей онтологический подход отражен в работах Э. Гидденса и его последователей, формирующих новую перспективу, в которой физическая безопасность больше не является единственным аспектом, к которому стремятся государства. Они акцентируют внимание на важности онтологической безопасности, понимаемой как состояние, при котором государства могут сохранять свою идентичность, мировоззрение и картину их восприятия в мире. Будь то отдельные личности, социальные коллективы или государства, актерам необходимо чувство бытия, чтобы действовать. Не осознавая свою идентичность, акторы не способны сформулировать свои интересы и сформировать системы ценностей, необходимые для принятия различных решений [2], когда смысловая мотивация принимаемых решений предопределяет облик системы безопасности.

Государство в стремлении к онтологической безопасности, как правило, апеллирует к согласию в обществе, при этом всегда конфликтует с деструктивными элементами, подрывающими устойчивость общественного устройства. Онтология конфликта в этом случае реализуется через распределенную (сетевую) самоорганизацию таких элементов, посягающих на иерархическое государственное устройство. Это, если хотите, бунт сети против иерархии, для подавления которого последняя в лице государственных институтов применяет, в том числе и сетевые механизмы самозащиты. В свою очередь, сеть тоже имеет черты иерархичности, проявляемой в приоритетах подключения к ней. Государству, как правило, бросает вызов иерархизированная самоорганизующаяся сеть, приоритеты которой заведомо программируются за пределами страны. Так было в случае с режиссируемым из США и Польши «разрозненным майдамом» [3] во время попытки государственного переворота в Республике Беларусь в 2020 г. Ему предшествовала массированная информационная кампания по внедрению в общественное сознание чужеродных нарратив-

вов с целью подмены идентичности. Таким образом, сначала происходит узурпация *концептуальной власти*, распространяемой на массовое сознание, а потом делается ставка на собственно государственный переворот, такой как майдан, который удалось совершить в Украине в 2014 г. В итоге, политический конфликт привел к внутреннему вооруженному конфликту в этой стране и потребовал внешнего вмешательства, что стало и проявлением их конфликтной онтологии.

Эмпирические исследования онтологической безопасности выявляют сущность ее достижения через сохранения идентичности. Иными словами, онтологическую безопасность обычно рассматривают как «защиту идентичности», приравниваемую к «защите себя» и национальных интересов. В ситуации конфликта защитные реакции государства и общества оперируют их же уверенностью в собственных силах, которые придает устойчивая идентичность [4], основанная на нарративах общественного согласия. К примеру, важный фактор онтологической безопасности для России – осознание себя страной-цивилизацией [5], а для Республики Беларусь – формирование образа ее суверенитета, основанного на сильной президентской власти, что само по себе является одним из знаковых нарративов общественного согласия.

Политический тест на обоюдную цивилизационную идентичность России и Запада состоялся, когда НАТО отказалась рассматривать возможность вступления России в свои ряды в 2000 г., как это предложил президент России В.В. Путин. «Тестовая» инициатива российского лидера в очередной раз подтвердила непримиримую природу Запада, была воспринята там как попытка подрыва идентичности Североатлантического альянса равнозначную угрозе онтологической безопасности. Несмотря ни на что, НАТО продолжила свою экзистенциальную практику «натиска на Восток», включая в свои ряды страны Восточной Европы, которые ранее были частью сферы влияния СССР. Этот подход в понимании натовских стратегов был направлен на «укрепление безопасности и стабильности в регионе».

На деле же политика западной экспансии привела к усилению напряженности в отношениях между НАТО и Россией, дестабилизации Европейского региона, углублению онтологического и как следствие геополитического конфликта в нем, что на практике выявило несовпадение смыслообразующих акцентуаций обеих сторон и антагонистичную интерпретацию европейской идентичности. Оказалось, что Европа в политической формулировке генерала Де Голля «от Атлантики до Урала» скорее соответствует ее российскому и белорусскому «континентальному» пониманию. Тогда как атлантисты из НАТО игнорируют континентальные интересы европейских государств, включая собственных членов, со-

вершают «похищение Европы», подрывая ее идентичность. Онтологический конфликт налицо.

Таким образом, политический конфликт интересов – это в широком смысле онтологический конфликт, столкновение идентичностей, которые создаются и поддерживаются созданием нарративов. Причем, по мнению авторов настоящих тезисов, это именно нарративы общественного согласия, усваиваемые обществом как устойчивые и устоявшиеся социально-политические практики [6]. Онтологическая незащищенность возникает, когда субъект, как частный актор, так и государство, не может рассказать связную «историю о себе» или испытывает разрыв между своим самоповествованием и своим поведением. Государства даже идут на внутренние и внешние конфликты ради поддержания соответствия «рассказа о себе» и своим поведением [7], как в случае с современной Украиной, в которой националистическим нарративом насильственно подменяют онтологическую объективность единой купели крещения Киевской Руси, проводят политику притеснения русскоязычного населения. Очевидно, что нарративы русофобии в Украине не стали нарративами общественного согласия со всеми вытекающими последствиями.

Идея того, что *идентичность организована в виде нарратива*, нашла своё отражение в социальной психологии с появлением и развитием теории идентичности, связанной с именем Э. Эриксона [8]. Он рассматривает идентичность не только как переживание единства самости, но и как постоянно реконструируемую биографию, а в масштабах государства и историю, онтологическая целостность которой представляет собой перманентное воспроизводство ее нарративной структуры. Понятие идентичности как нарратива открывает возможности для осмысления себя в эпоху постмодернизма, в которой по существу позитивные идеи мультикультурности реализуются скорее в качестве «мультифрени» [8], входя в открытое противоречие с государственным запросом на общественное согласие.

Термин «нарратив» происходит от английского слова «*narration*» – «повествование» и в общем смысле означает историю или рассказ, который не только описывает события, но и объясняет их причины и последствия. Нарратология как научная дисциплина [9] изначально сосредоточилась на изучении структуры человеческих историй и их декомпозиции на базовые элементы и сюжетные линии. Однако концепция нарратива оказалась настолько востребованной, что вскоре вышла за рамки филологии и стала активно использоваться исследователями в самых разных гуманитарных науках, таких как философия, социология, антропология, психология, политология и многих других. В политологии начала XXI в. этот термин начал использоваться для обозначения некоего стереотипно-

го определения, которое содержит изначальную оценочную установку или предписание.

По выражению Т. Сарбина, «выживание в мире смыслов было бы проблемным, не будь у нас способности интерпретировать истории о переплетении человеческих жизней» [10]. Нарратив является центральным при исследовании морального суждения и поведения. Сарбин выдвинул нарративный принцип: «люди думают, воспринимают, воображают и совершают моральные выборы, согласно нарративным структурам» [10]. Для осмысления поступков людей человек обращается к традиционным сюжетам, характерным для его культуры, с помощью которых можно объединить события жизни в единое целое. Эти сюжеты могут быть переданы в форме мифов, детских сказок или в любой иной вербальной или невербальной форме.

В масштабе философии истории предписывается, что жизненный опыт формирует нарратив, но одновременно и сам трансформируется в его восприятии. Таким образом, возникает двусторонняя связь между опытом и историей, и подчеркивается взаимосвязь нарратива со средой его восприятия при том, что политические акторы не могут просто создавать в воображении новые истории – «им необходимо ориентироваться в доминирующих нарративах государства, освещая его победные страницы» [9].

Нарративы, которые мы характеризуем как «священные страницы истории», играют ключевую роль в том, как государства и общества видят себя. Эти исторические события определяют, кто мы есть, а не просто, что мы есть. Они создают чувство стабильности и цели, помогая нам понять свое место в мире. Они чаще всего основаны на нашем прошлом и могут вдохновлять на достижение целей в будущем, становятся важнейшей составляющей идентичности и безопасности. В контексте государственной исторической политики Республики Беларусь они реализуются в качестве *нарративов всенародной борьбы белорусского народа против гитлеровского фашизма и природного неприятия нацизма* [11].

Онтологический подход закреплён в Конституции Республики Беларусь [12], законодательных актах о недопущении реабилитации нацизма [13], увековечении памяти о погибших при защите Отечества и сохранении памяти о жертвах войн [14]. Причём упомянутые исторические нарративы – это и нарративы общественного согласия, которые, включая политический *нарратив сильной президентской власти*, формируют основы онтологической безопасности нашей страны.

Библиографические ссылки

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: Решение Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 26.04.2024, 1/21360 (дата обращения: 18.06.2024).
2. *Giddens A.* Modernity and self-identification: Me and society in the late Modern Age. Stanford: Stanford University Press. 1991. P. 264.
3. *Пономарева Е.* Протестное движение в Беларуси: эволюция, технологии, символы // Обозреватель. 2021. №2. С. 5–28.
4. *Mitzen J.* Ontological security in world politics: State identity and the security dilemma / J. Mitzen // European journal of international relations. 2006. Vol. 12, №. 3. P. 341–370.
5. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 15.01.2025).
6. *Бурдые П.* Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. Том I, 1998. №2. С. 60–70.
7. *Delehanty K., Steele J.* Engaging the narrative in ontological (in)security theory: insights from feminist IR // Cambridge Review of International Affairs. 2009. №22. P. 523–540.
8. *Erikson E. H.* Identity and the life cycle: Selected papers. // Psychological Issues. 1959. №1. P. 1–171.
9. *Toolan M.* Narrative A Critical Linguistic Introduction. London : Routledge, 2002. 272 p.
10. *Sarbin, T. R.* (2004). The Role of Imagination in Narrative Construction. In C. Daiute, & C. Lightfoot (Eds.), Narrative Analysis. Studying the Development of Individuals in Society (pp. 5-20). Thousand Oaks, CA: SAGE Publications. [Электронный ресурс]. URL: <http://dx.doi.org/10.4135/9781412985246.n1.1> (дата обращения: 17.01.2025).
11. *Валаханович И.* Государственная историческая политика Беларуси: президентский нарратив [Электронный ресурс]. URL: <https://bisr.gov.by> (дата обращения: 27.03.2024).
12. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г.и 27 февр. 2022 г. Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2024. 80 с.
13. О недопущении реабилитации нацизма [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 14 мая 2021 г. № 103-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр прав. информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.
14. Об увековечении памяти о погибших при защите Отечества и сохранении памяти о жертвах войн [Электронный ресурс]: Указ Президента Республики Беларусь, 24 марта 2016 г. № 109 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.